

Лаская его тело, скользя ладонями по бедрам и животу, Лю Тинчжу внезапно распахнул глаза. Он посмотрел на себя, затем на Сяо Шуланя, некоторое время не в силах осознать происходящее. Наконец, он медленно улыбнулся, и Сяо Шуланю на мгновение показалось, что в воздухе разлился тонкий цветочный аромат.

Сяо Шулань обернулся к окну: до полнолуния оставалось еще немного.

Пятнадцатый день месяца был уже близок.

Стоило ему повернуться обратно, как он едва не столкнулся с лицом Лю Тинчжу.

Лю Тинчжу улыбался по-детски искренне. Он осторожно, почти невесомо коснулся своими губами губ Сяо Шуланя, словно стрекоза, коснувшаяся поверхности воды, и тут же отстранился.

Увидев, что Сяо Шулань замер в оцепенении, Лю Тинчжу обвил его шею руками, опустился перед ним на колени и снова подался вперед — на этот раз уже осторожно коснувшись его языком.

Глядя на эту неуклюжесть, Сяо Шулань испытал одновременно и смех, и жалость. Если бы он не видел истинный облик Лю Тинчжу, он бы ни за что не поверил, что в мире может существовать настолько бестолковый лис.

Видя, как тот трепещет от робости, Сяо Шулань не выдержал: придержав его за затылок, он припал к его губам глубоким поцелуем.

Лю Тинчжу обмяк, его руки крепче сжали шею Сяо Шуланя, а пальцы ног невольно подогнулись.

Заметив это напряжение, Сяо Шулань принялся успокаивающе гладить его по пояснице и ногам. Ощущая под пальцами гладкую, упругую кожу, он почувствовал, как внутри него закипает страсть, а движения стали более порывистыми.

Но когда рука скользнула к лодыжке и внезапно наткнулась на что-то холодное, Сяо Шулань опустил взгляд. Это была та самая бронзовая цепь. По телу Сяо Шуланя пробежал холод, и он мгновенно замер.

Лю Тинчжу, почувствовав перемену, уставился на него широко раскрытыми, полными недоумения глазами.

Сяо Шулань встретился с этим наивным взглядом — взглядом ребенка, еще не познавшего человеческих чувств. Он невольно вспомнил черные бусинки глаз маленького лисенка, которого держал на руках днем. Сердце пронзила острая боль. Он оттолкнул Лю Тинчжу и выскочил из комнаты.

— Сяо... Шулань?

Обернувшись, он увидел Лю Тинчжу, стоявшего в дверях. Лунный свет падал на него, и его

глаза казались невероятно яркими и ясными.

— Все в порядке, ложись спать.

В глазах Лю Тинчжу мелькнуло замешательство. Сяо Шулань понял, что тот еще не постиг сути человеческих чувств, а потому не понимал причин этого бегства.

Возможно, все его предыдущие действия были лишь инстинктом. Он не знал, что это значит, просто был как ребенок, который учится ходить и копирует всё, что видит интересным.

На миг Сяо Шуланю показалось, что в глазах юноши промелькнуло выражение, похожее на боль, но оно исчезло так быстро, что он усомнился в своей правоте. Взгляд Сяо Шуланя опустился на ноги Лю Тинчжу.

Тот стоял босиком — привыкнув к дикой жизни в горах, он так и не полюбил обувь.

Бронзовая цепь поблескивала в лунном свете. В ночной тишине при каждом его движении был слышен тонкий, хрупкий звон металла.

Он — демон, а эта цепь — то, что его сдерживает. Я... не должен больше поддаваться чувствам и совершать ошибки.

Жалость — допустима, но чувства — нет. В конце концов, этот юноша, подобный изваянию из нефрита в лучах луны, еще несколько часов назад был всего лишь маленьким белым лисенком, свернувшимся у него на груди.

Сяо Шулань покачал головой, подошел к нему и обнял за плечи:

— Ложись, не стой на сквозняке.

Видя, что Лю Тинчжу по-прежнему стоит не шелохнувшись, он подхватил его на руки и перенес на кровать. Лю Тинчжу тут же прильнул к нему, словно приклеился.

Сяо Шулань усмехнулся и коснулся его носа пальцем:

— Что такое? Ты уже не в облике лиса, а все еще хочешь спать у меня на руках?

Лю Тинчжу промолчал. После долгого молчания Сяо Шулань спросил:

— Тинчжу, почему ты хотел меня поцеловать?

Тот долго размышлял, после чего ответил:

— Не знаю. Я просто хотел... попробовать?

Сяо Шулань рассмеялся, не понимая, разочарован он или чувствует облегчение.

— Ты провел в горах почти две тысячи лет, ты когда-нибудь выбирался наружу?

Лю Тинчжу кивнул:

— Да. Иногда, когда становилось скучно, я выходил поиграть. Когда только научился

принимать человеческий облик, я часто выбирался. Потом надоело, и я стал редко покидать горы.

Он склонил голову набок и добавил:

— Иногда, когда людей собирались убить, они плакали и умоляли меня, говоря, что у них остались семьи. Я не понимал этого, поэтому выходил и проверял, но многие из них попросту лгали.

— Почему? — спросил Сяо Шулань.

Лю Тинчжу усмехнулся:

— А почему еще? Из жадности. Разве ты не такой же? Если бы тебе не повезло, ты оказался бы на их месте.

Сяо Шулань вздохнул и погладил его по щеке:

— Тинчжу, даже не знаю, назвать тебя наивным или как-то иначе. Иногда ты ведешь себя как ребенок, совсем ничего не понимая, а иногда... понимаешь слишком много. Зачем тебе это? Лучше бы ты не знал ничего — был бы счастливее.

Лю Тинчжу поднял на него глаза:

— Я и не хочу понимать, это вы, люди, заставляете меня учиться. Раньше те, кто приходил за Лотосом Холодной Луны, научили меня, что такое ложь, научили человеческим козням. А теперь ты привел меня сюда и заставляешь принять все ваши нравственные устои.

Я хотел лишь культивировать, чтобы стать бессмертным, и вовсе не собирался уходить из гор, это ты вынудил меня учиться. В мире демонов нет столько фальши: кто сильнее, тот и прав, там нет... такой сложности.

Рука Сяо Шуланя замерла у его щеки, словно он не хотел отрываться от этой нефритовой кожи. Немного помедлив, он мягко поцеловал его в губы.

Лю Тинчжу закрыл глаза, и этот поцелуй постепенно перерос в глубокий и настойчивый.

Увидев, как лицо Лю Тинчжу залилось краской, а пальцы вцепились в его плечи, Сяо Шулань тяжело вздохнул:

— Тинчжу, ты понимаешь, что такое семь чувств и шесть желаний?

Лю Тинчжу покачал головой.

— Я знаю, я читал много книг. Но... я не понимаю. — Он поднял голову и улыбнулся Сяо Шуланю — улыбка была яркой, но какой-то призрачной. — Я знаю, что в прошлый раз в горах то, что ты делал со мной, было одним из них, но я не понимаю... не понимаю...

Сяо Шулань улыбнулся:

— Тогда откуда ты знал, что я собираюсь сделать? Почему испугался?

Лю Тинчжу густо покраснел:

— Я видел, как люди... делают это... и знал, что для моей культивации это табу.

Сяо Шулань издал долгий вздох и поцеловал его в лоб:

— Глупый лис. — Он прильнул к его мочке уха и тихо прошептал: — Хочешь, я научу тебя?

Глядя в глаза под собой, чистые настолько, что в них можно было заглянуть до самого дна, Сяо Шулань вздохнул:

— Закрой глаза, иначе как я смогу тебя поцеловать?

Он провел рукой по его лицу, медленно спускаясь к шее и ключицам. Одним движением он распахнул второпях завязанную одежду.

— Не бойся... я не причиню тебе вреда.

— ...Правда?

Сяо Шулань нежно погладил его по волосам:

— Пока ты будешь послушным, не будешь больше убивать людей и поглощать их жизненную энергию, я никогда тебя не трону.

Лю Тинчжу смотрел на него широко открытыми глазами. Сяо Шулань с тяжелым вздохом поцеловал его в веки, и от этого тепла он снова закрыл глаза.

— Будешь слушаться меня?

Лю Тинчжу тихо ответил:

— Но тогда я не смогу достичь бессмертия.

Вздохи Сяо Шуланя, один за другим, растворялись в ветре.

— Тебе так важно стать бессмертным? Разве быть человеком плохо? Что хорошего в этом бессмертии? Разве ты не слышал: в высоких чертогах нефритовых небес холоднее всего?

Лю Тинчжу повел глазами:

— Ты так не хочешь, чтобы я стал бессмертным?

— Я просто не хочу, чтобы ты продолжал творить зло, — ответил Сяо Шулань. Он начал целовать его путь от ключиц вниз, заставляя Лю Тинчжу дрожать и издавать тихие, прерывистые стоны.

— Нет... я не хочу быть демоном, я две тысячи лет культивировал только ради того, чтобы...

Сяо Шулань поднял голову. В его глазах читались то ли печаль, то ли гнев.

— Ты действительно хочешь вынудить меня убить тебя?

Увидев, что тот потянулся за мечом, Лю Тинчжу побледнел и съежился в углу кровати. Он ударился головой о спинку, но даже не почувствовал боли, продолжая отползать назад.

Видя его страх, сердце Сяо Шуланя смягчилось. Он притянул его к себе и прошептал:

— Ты хочешь бессмертия, но платишь за него бесчисленными человеческими жизнями. Даже если ты достигнешь цели, будет ли спокоен твой дух?

Лю Тинчжу фыркнул и холодно усмехнулся:

— Мне нравится, и что с того? Я же говорил тебе: в мире демонов нет такой волокиты, как у вас, людей!

Сяо Шулань взмахнул рукой, и Меч Синего Дракона уперся в горло юноши.

— Вот поэтому ты всегда будешь лишь лисом-демоном и никогда не станешь человеком, — холодно произнес он.

Хотя меч не был обнажен, лицо Лю Тинчжу побелело. Сяо Шулань тяжело вздохнул, опуская оружие.

— Я говорю, а ты не слушаешь. Делай что хочешь. Но когда навлечешь на себя гнев всех людей, не вини меня в том, что мой меч будет безжалостен.

Он поднялся, накинул одежду и собрался уходить, но Лю Тинчжу схватил его сзади.

— А если кто-то захочет меня изгнать, что мне делать?

Сяо Шулань обернулся. Взгляд Лю Тинчжу, устремленный на него, сиял, словно звезды.

— Этого не случится. Эта цепь хоть и сдерживает тебя, но она же тебя и защищает. Никто, кроме меня, не увидит в тебе демона. Пока ты ее не снимешь, с тобой ничего не случится.

Лю Тинчжу опустил взгляд на свою лодыжку:

— Я не могу ее снять, но ненавижу ее. Сними ее, пожалуйста, хорошо?

Сяо Шулань усмехнулся:

— Снять? Я не настолько тебе доверяю. Не хочу умереть во сне от того, что ты выпьешь мою жизненную энергию.

Он оттолкнул его, поправил одежду и встал с кровати. Лю Тинчжу окликнул его, и Сяо Шулань, обернувшись, произнёс:

— Пока ты не поймешь, что такое человеческие чувства, я не хочу касаться тебя. До тех пор, пока не осознаешь и не прочувствуешь... — я не святой, но, по крайней мере, не хочу смешивать любовь и вожделение.

— А что будет потом?

Сяо Шулань опустил голову и замолчал.

Никто не знает, что ждет впереди, а обещания порой кажутся лишь нелепой шуткой, поэтому лучше их не давать вовсе.

По траве пробежал легкий шелест, подобный тому, какой издает крадущийся котенок, едва различимый для слуха.

Мужчина, лежащий на земле, с трудом приоткрыл глаза. Прямо перед ним замерли босые ступни, белые, словно нефрит, а поверх них колыхались края бледно-зеленого одеяния.

Взгляд поднялся выше: синеватые одежды, слегка завитые волосы, тонкие, изящные черты лица, напоминающие резной нефрит. Глаза сияли, подобно чистому лунному свету, но в уголках красиво очерченных губ запеклась капля крови — трудно сказать, выглядело ли это пугающе или завораживающе прекрасно.

Человек медленно протянул руку, потянувшись к его шее.

— Ты... кто ты такой!

На этом лице промелькнула слабая улыбка:

— О, действие снадобья так быстро проходит. — Он взглянул вверх, на луну, застывшую в зените, чей серебристый блеск казался снегом. — Похоже, мне стоит поторопиться. Я не могу позволить ему усомниться во мне.

— Всех здесь убил я. Мне нужна ваша кровь, чтобы достичь бессмертия, поэтому... вы все должны умереть.

Раздался сухой, отчетливый хруст ломающихся шейных позвонков.

Лю Тинчжу облизал пальцы. В лунном свете, похожем на холодную воду, его глаза мерцали зловещим алым пламенем.

Сяо Шулань открыл глаза. В последнее время сон был тревожным, зыбким, будто между явью и кошмаром, в котором со всех сторон захлестывали потоки крови.

Он резко сел, и Лю Тинчжу, дремавший у него на груди, скатился в сторону.

Сяо Шулань долго тяжело дышал, пытаясь успокоиться, а затем повернул голову, чтобы взглянуть на его лицо.

Лю Тинчжу спал крепко, его щеки слегка алели, и он выглядел настолько соблазнительно, что Сяо Шуланю нестерпимо захотелось припасть к нему поцелуем.

Он протянул руку, чтобы поправить одеяло, но вдруг взгляд упал на бронзовую цепь на щиколотке спящего, и сердце Сяо Шуланя дрогнуло. Неужели я не должен был так сильно его ранить?

Дрожащими пальцами он коснулся металла, как вдруг замер. На бронзе проступали пятна ржаво-бурого цвета.

Сердце сжалось. Этот цвет он знал слишком хорошо.

Кровь. Засохшая кровь.

Рука Сяо Шуланя застыла, не в силах пошевелиться.

— Вернулся среди глубокой ночи, где ты был?

Лю Тинчжу вздрогнул от неожиданности, мгновенно вскочил и прижался спиной к двери, словно пытаясь бежать. Но Сяо Шулань опередил его, преградив путь и уперевшись руками в створки по обе стороны от него.

— Если бы я не сжимал в руках свой меч даже во сне, ты бы не побоялся напасть на меня. Наверное, ты бы уже давно убил меня и сбежал.

Сяо Шулань перехватил правое запястье Лю Тинчжу и аккуратно закатал рукав до локтя. На тыльной стороне кисти виднелись крошечные брызги крови, такие же темные пятна покрывали и зеленый рукав.

— Каждую ночь я чувствовал аромат, принимая его за запах цветов, растущих в саду Моли. Кто бы мог подумать, что это твои проделки — ты усыплял меня, чтобы уходить на убийства. Сколько еще ты погубил? Сколько осталось до твоих девятисот девяноста девяти?

Лю Тинчжу от боли в запястье, которое Сяо Шулань сжимал со всей силы, покрылся испариной.

За спиной была запертая дверь, бежать было некуда, и он вдруг холодно усмехнулся:

— Верно. Чтобы не привлекать твоего внимания, я больше не смел устраивать массовые бойни в поместьях, как прежде. Приходилось выбирать уединенные дома — думал, никто не заметит, если в горах исчезнет пара человек. Хм-хм, ты оказался проницателен, все же раскрыл меня. Но только... почему ты до сих пор в сознании?

Сяо Шулань вытянул левую руку, закатав рукав — предплечье было исчерчено свежими порезами.

— Когда хотелось спать, я делал надрез. Хотелось снова — делал еще один. Чем глубже рана, тем яснее мысли.

Лю Тинчжу расширенными глазами смотрел на него. Сяо Шулань едва заметно улыбнулся:

— Хочешь спросить, больно ли мне? Да, конечно, больно. Но... в сердце у меня болит еще сильнее.

— Тинчжу... почему ты всегда лгал мне? Ты слишком жестокосерден, в тебе нет человечности. В тот день в поместье — весь сад был усеян трупами... трупами тех, чью жизненную сущность ты поглотил! Ты... а теперь ты снова взялся за невинных...

Лю Тинчжу рассмеялся, вскинув голову:

— Разве ты не твердил постоянно, что я демон, а не человек? Откуда же тогда во мне взяться

человечности?

Сяо Шулань впился в него взглядом, в котором горел то ли огонь, то ли лед.

— Ты сам это сказал. Ты не человек, ты демон? Так?

Лю Тинчжу стиснул зубы:

— Да, я сказал! Я такой и есть! Что бы я ни делал, ты все равно считаешь меня демоном! Так лучше уж я буду им на самом деле!

Он ожидал, что Сяо Шулань придет в ярость, но тот вдруг рассмеялся и, продолжая смеяться, согласно кивнул:

— Хорошо, хорошо, отлично!

Сяо Шулань рывком притянул его к себе.

Лица оказались в паре дюймов друг от друга. Лю Тинчжу был прекрасен, словно отражение луны в осенней воде, но Сяо Шулань вдруг вспомнил ту белую лисицу, ту белоснежную шерсть, отливающую бледной зеленью в лунном свете... Сердце пронзила острая боль, рука сжала запястье Лю Тинчжу еще сильнее. Тот поморщился, но закусил губу, не желая издавать ни звука.

Сяо Шулань потащил его в западную комнату. Лю Тинчжу судорожно вдохнул воздух: там стояла железная клетка длиной в пять футов. Инстинктивно он попытался вырваться, но Сяо Шулань мертвой хваткой вцепился ему в плечо.

Схватив его за запястье, Сяо Шулань перекрыл потоки его внутренней энергии, и Лю Тинчжу обмяк, потеряв возможность двигаться.

Сяо Шулань распахнул дверцу и швырнул его внутрь. Лю Тинчжу, охваченный страхом и гневом, закричал:

— Что ты творишь?!

Сяо Шулань захлопнул дверцу и повернул ключ.

Лю Тинчжу вскочил, ухватился руками за железные прутья и завопил:

— Выпусти меня! Сяо Шулань, за кого ты меня принимаешь?!

Сяо Шулань, уже сделавший несколько шагов прочь, обернулся. В его глазах застыл ледяной блеск:

— А ты сам скажи, что ты такое?

Лю Тинчжу на мгновение лишился дара речи. Сяо Шулань вернулся, присел на корточки и, просунув руку сквозь прутья, сжал его острый подбородок:

— Разве ты сам только что не сказал, что ты не человек, а демон?

Лю Тинчжу молчал. Сяо Шулань отпустил его и, резко дернув за собой, отбросил в сторону — Лю Тинчжу ударился о прутья и рассек лоб.

Сяо Шулань, словно не заметив этого, произнес:

— Я собственными глазами видел, как ты принял свой истинный облик под моим мечом. Я прекрасно знал, что ты лисица, знал, что ты демон, пришедший вредить миру, но все равно не смог допустить, чтобы ты погиб от чужой руки. Я тоже человек, и не стану отрицать, что чувствовал отвращение и страх, к тому же это чудовище постоянно жаждало моей смерти. Скажи мне сам: я спас тебя или погубил?

Лю Тинчжу смотрел на него во все глаза, словно не понимая смысла слов.

Он лежал на дне клетки, вцепившись пальцами в железо так, что костяшки побелели, а лицо стало еще бледнее прежнего. Он напоминал заблудившееся маленькое животное — столько было в его взгляде недоумения и неверия.

— Ты... за кого ты меня принимаешь?

Сердце Сяо Шуланя пронзило, словно иглой, но он подавил в себе этот порыв нежности.

— А кем я еще могу тебя считать? Спроси сам себя: что ты такое?

Взгляд Лю Тинчжу блуждал, он растерянно оглядел тесное пространство, в котором оказался.

Клетка длиной пять футов и шириной три — такие обычно использовали богатые дома для содержания экзотических зверей. Железные прутья толщиной в руку ребенка были ледяными на ощупь.

Он вздрогнул, и его пальцы, судорожно сжимавшие железо, разжались.

Нет, нет, нет! Как ты мог запереть меня здесь?

— Выпусти меня... я не такой, я не демон... умоляю, выпусти...

Сяо Шулань взглянул на него, и сердце снова пронзила боль.

Даже тогда, в горах, когда он наслаждался его близостью, вдыхая аромат цветов, исходящий от него, отчаяние Лю Тинчжу не ранило его так сильно, как сейчас. Может быть, потому что даже демон, если долго жить с ним бок о бок, вызывает чувства? Пусть даже этот демон — всего лишь лис?

Взгляд Лю Тинчжу давно потух, он смотрел на Сяо Шуланя бездумно, словно не видя его перед собой.

— Выпусти меня, выпусти... не запирай меня здесь... я не такой, я не...

Сяо Шулань снова приподнял его подбородок: действительно, не похож, совсем не похож на демона. Но кем же тогда была та маленькая лисица, которую он еще недавно прижимал к груди?

Он снова отшвырнул его в сторону и с горечью произнес:

— Я бы предпочел, чтобы ты навсегда остался лисой. Я бы предпочел всегда держать тебя на руках в том обличье — так ты, по крайней мере, не причинил бы вреда людям!

Он поднялся, собираясь уйти, но вдруг почувствовал, как подол его одежды натянулся. Опустив взгляд, он увидел, что Лю Тинчжу, протянув руку сквозь решетку, держит его за край халата. В глазах его читалась мольба — в точности как у того лисенка, когда он смотрел на него. В обычной жизни Лю Тинчжу никогда так на него не смотрел.

Сердце Сяо Шуланя дрогнуло, но тут же вновь ожесточилось.

— Я давал тебе шанс, но ты сам от него отказался.

Раздался треск — кусок ткани остался в руках у Лю Тинчжу.

Лю Тинчжу медленно разжал пальцы, глядя, как лоскут ткани падает на пол, и начал безумно смеяться.

Я изо всех сил стремился стать человеком, мечтал об этом две тысячи лет. А ты... ты уничтожил мою культивацию, мое достоинство, мои чувства... уничтожил всё, что у меня было.

Лю Тинчжу растянулся на полу.

Ледяные прутья казались ему тисками, которые сжимались, давили, готовые превратить его в пыль.

Лю Тинчжу прикрыл глаза ладонью.

Оказывается, всё это время я лишь тешил себя иллюзиями. Двухтысячелетними грезами.

<http://bllate.org/book/21147/2144244>